

НОВЕЛЛЫ Сергея Балашова

А „скептики“ не шли...

Объявление кричало, что ровно в три в Доме печати состоится встреча журналистов с народным артистом Сергеем Балашовым. Слово «Сергей» было написано красным, «Балашов» выписано ярко-голубыми буквами, остальные слова сверкали первозданной зеленью. Очевидно, художник решил возбудить интерес к предстоящей встрече даже у таких скептиков, как мы, газетчики.

Яков Борисович — сотрудник нашего отдела — вспомнил, что слушал Балашова лет двадцать назад. Было закончено строительство здания Ростовского театра. Члены комиссии, принимавшей его, ну и, конечно, представители прессы, разбежались по самым дальним углам огромного пустого зала и слушали. Со сцены читал поэму Маяковского «Во весь голос» Сергей Балашов — юный красавец, кося сажень в плечах.

Мгновенно представила себе тещу. В ослепительно черном костюме с белоснежной манишкой, с волевым квадратным подбородком, он бросает в пустой зал:

— Слушайте, товарищи потомки...

Взглянула на часы. Было без двух три. И никакого движения. Решительно распахнула дверь в соседний отдел искусства, организуя встречу.

— Ну, где же ваш теще? Заведующий отделом растянул в ехидной улыбке полные свои губы.

— А вот, познакомься, Сергей Михайлович Балашов.

Со стула поднялся усталый пожилой человек в коричневом костюме с небрежно завязанным галстуком. На лоб его свисали прямые пряди темных, чуть тронутых сединой волос, а возле рта пролегли две горькие морщинки.

— Боюсь, что из встречи ничего

не выйдет, — грустно сказал он, протягивая руку.

Все вместе пошли в зал. Он был абсолютно пуст. Лакированные стулья бесстрастно глядели на раскрытую сцену.

Сели на передний ряд и стали ждать. Собралось еще несколько человек. Проклятые скептики не шли.

Сергей Михайлович поднялся.

— Прежде всего, — сказал он, — хочу поблагодарить художника, который вложил столько души и умения, рисуя объявление о встрече со мной. Оно было подобно спиннингу, брошенному умелой рукой рыбака в таинственные воды омута. Но рыба не клюнула. — Артист обвел глазами полупустой зал, улыбаясь. — А я все равно буду выступать для тех, кто пришел.

Он помолчал мгновение, откинул назад темные пряди волос, протянул вперед раскрытую ладонь, заговорил... И уже не было небрежно завязанного галстука и усталых складок возле рта. Перед нами стоял красавец — кося сажень в плечах, в ослепительно черном костюме.

Позади открывались двери, скрипели стулья, но было уже все равно. Балашов говорил о дальних странах. Его рассказы — короткие новеллы — вспыхивали перед глазами и навсегда оставались в сердце. Это были слова о войне и мире, о ненависти к врагам, о дружбе, о добром товариществе.

Когда выступление закончилось, зал был полон. «Проклятые скептики», стоя, аплодировали артисту.

Может быть, все, о чем он говорил, давно известно, записано, передается из уст в уста. Но мне уже нет покоя. Я пишу эти новеллы по мотивам рассказов Сергея Балашова, может быть, не очень точно, но так, как они мне увиделись, услышались, запомнились.

„Не жалею, не зову, не плачу...“

Это случилось в столице одной из зарубежных стран.

— Не волнуйтесь, маэстро, все будет в порядке. Билеты на ваш спектакль распроданы две недели назад, — любезно сообщил директор театра — низенький, толстенький человек, довольно хорошо говорящий по-русски.

Артист шагнул к рампе. Сколько раз за свою жизнь он оставался вот так с глазу на глаз со зрителями! И каждый раз в первое мгновение волнение охватывало его. Кто перед ним, что за люди? Каковы их вкусы, взгляды? А эти... может быть, они и языка его не понимают?

Зал был полон. Впереди сидела пожилая женщина с короной белых волос на голове, с принуденным лицом и тяжелым двойным подбородком. В руках она держала театральный, совершенно ненужный сейчас бинокль. С ней рядом — девушка; из большого выреза платья выглядывали острые ключицы. Глаза унылые, веселые. Коротко стриженные русые волосы нарочно взлохмачены. Так — модно.

Взгляд выхватил из сотен лиц еще одно — удивительно бесстрастное, равнодушное, похожее на лопату лицо мужчины, белый воротничок сорочки, галстук бабочкой, ослепительную лысину через всю голову.

Нет, Балашов не будет читать для него. Лучше для женщины с девушкой и вон для того старика с обильными усами, приложившего к уху рупором желтую косящую руку.

Артист тряхнул головой, словно отбрасывая все посторонние мысли, и начал:

Задремали звезды золотые,
Задрожало зеркало затона,
Брежит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.
Улыбнулись сонные березы
Растрепались шелковые косы...

Он читал широко и свободно, просто, почти без жестов. А перед глазами плыли неповторимые, такие родные и близкие картины Родины — розовые степи и сонные березы, дуга радуги и белых яблонь дым... И слышно было, как хвойной позолотой вызванивает лес, как поют свои песни косари на раздольных лугах.

Артист взглянул в зал, на знакомые уже лица. Пожилая дама с двойным подбородком почему-то плакала. Слезы текли по ее напудренным щекам, оставляя смешные полосы.

— Что это с ней? — недовольно подумал он и отверг глаза.

Взгляд его упал на старика. Тот сидел, низко согнувшись, уронив лицо в большой белый платок. Стало не по себе, голос зазвучал неуверенно. Лучше уж смотреть на того, с широким, как лопата, лицом. Оно, по крайней мере, ничего не выражает. Отыскал его взглядом в глубине зала и прямо в круглые оловянные глаза произнес:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»,
Я скажу: «Не надо раю,
Дайте родину мою»...

Оловянные глаза заморгали быстро, бесстрастное лицо искривилось горькой гримасой, и человек заплакал, опустив голову на грудь. Балашов совершенно растерялся. Плакать не должны. Он отлично это знал.

«Не жалею, не зову, не плачу», — чуть слышно читал он, а зрители в зале плакали тяжело и безысходно. Только девушка с нежными худыми ключицами глядела на него задумчиво и грустно. С трудом актер довел до конца первое отделение спектакля. И едва опустил занавес, кинулся к директору.

— Скажите, что все это значит? Что происходит в зале?

Тот рассмеялся.

— Ничего, ровным счетом ничего. Успокойтесь, маэстро. Почти все билеты на ваш спектакль скупил русский эмигранты.

Все стало понятно и предельно ясно.

Балашов читал в тот вечер вдохновенно, как никогда. Ибо нет ничего на свете милее родины. И нет несчастнее человека, потерявшего ее.

Ни пуха, ни пера

Афиши кричали: «Гамлет!» «Шекспир на пражской сцене!» «В Национальном пражском театре в роли Гамлета выступает советский актер Сергей Балашов!»

Накануне спектакля шла репетиция. Директор театра явился на нее лично, вызвал администратора, всех двадцати четырех рабочих сцены, полагая, что придется устанавливать громоздкие декорации.

Но декораций не оказалось.

— Я буду играть спектакль один. Мне вполне достаточно этих занавесей, — ответил Балашов на недоуменный вопрос директора.

Услуги рабочих сцены не понадобились. Но все они остались в театре. Спектакль начался. Артист без грима, в обычном своем костюме вышел к рампе. Заговорил. Ничего не произошло. Но уже не было приветливого, общительного советского актера Сергея Балашова. Был Гамлет. На сцене не жил человек, страдал, боролся, любил, ненавидел. И вдруг стал удивительно близок и понятен каждому из сидящих в зале: и пожилому рабочему с седым ежиком волос над изборозженным морщинами лбом, и молодому, развязному, постигшему всю мудрость жизни парню с длинным, бледным лицом, и тому веселому, краснощекому шутнику, оставшемуся на репетиции из любопытства...

В день спектакля театр гудел от множества голосов. Казалось, вся Элата Прага сошлась и съехалась сюда. Балашов сидел в своей уборной, плотно прикрыв дверь, и шум тысячной толпы доносился к нему глухо, как далекий морской прибой.

Почему-то он боялся. Чувствовал себя несобранным, не готовым иг-

рать. В первый раз в жизни с ним случилось такое. Да сможет ли он сегодня донести своего Гамлета до ума и сердца этой многоголосой толпы, ждущей, может быть, монументального спектакля.

— Маэстро, вы готовы? Разрешите дать звонок? — сказал висевший на стене репродуктор знакомым голосом администратора.

— Да, пожалуйста, — ответил машинально и до боли сжал длинные нервные пальцы. Шли минуты, а волнение не проходило.

— Маэстро, на сцену, — снова сказал репродуктор.

Поднялся и пошел. Ноги слегка дрожали. С трудом одолел несколько ступенек, ведущих к сцене. И замер в изумлении.

Перед ним, выстроившись в две шеренги, образуя собой узкий коридор, стояли все двадцать четыре вчерашних рабочих. Стояли, улыбаясь, с поднятыми, сжатыми кулаками, что означало по-чешски: «Ни пуха, ни пера тебе, Сергей Балашов! Желаем успеха».

Он шагнул в этот живой коридор и коснулся руками сжатых добрых кулаков. Шагнул еще раз и снова коснулся. И с каждым таким прикосновением актер чувствовал, как уходит, улечивается его тревога, как несказанной силой наполняется грудь.

На сцену, под ослепительные мечи прожекторов, актер вышел во всеоружии своего таланта и вдохновения.

Ангелина БУЛЫЧЕВА,
отдыхающая в Ялте.